

18+

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ШИЛОВ

КОСТЁР ДУШИ

Павел Иванович Шилов

Костёр души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55851282

ISBN 9785449898449

Аннотация

В этой книге отражена жизнь простых людей, их судьбы, взлёты и падения, боль и радость. Представлены разные жанры: стихи, миниатюры, драма.

Содержание

Светлана	17
Мать	18
Сноха	19
Мать	20
Сноха	21
Мать	22
Сноха	23
Мать	24
Мать	28
СЫН	29
СЫН	30
Мать	31
СЫН	32
Мать	33
СЫН	34
Мать	35
СЫН	36
Мать	37
СЫН	38
Мать	39
СЫН	40
СЫН	41
Ведьма	42

Мать	43
Сын	44
Ведьма	45
Мать	46
Жена	47
Муж	48
Муж	49
Мать	50
Муж	51
Жена	52
Муж	53
Мать	54
Сын	55
.	58
Признание в любви	60
Топор	62
Глухарь	66
Урок	67
Тот день	69
Осень	71
Судьба	72
Мать	74
Девчонка	75
Русь	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

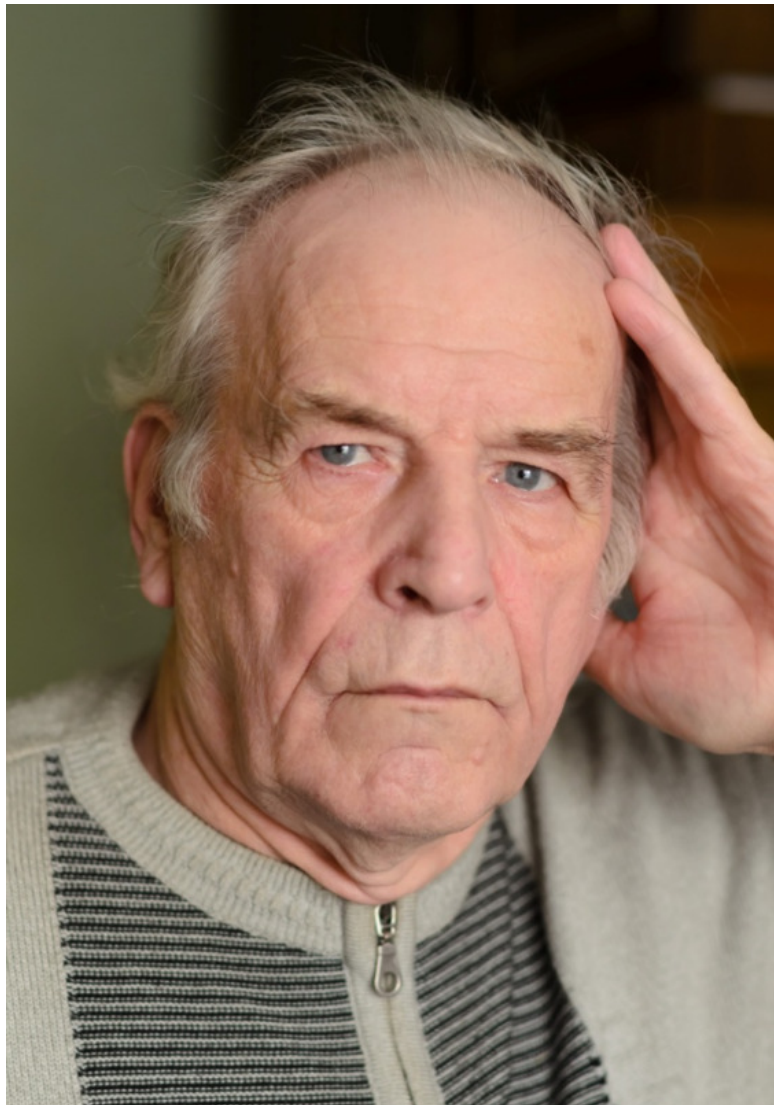
Костёр души

Павел Иванович Шилов

© Павел Иванович Шилов, 2020

ISBN 978-5-4498-9844-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Павел Иванович Шилов родился 14 мая 1939 года в деревне Сменцево Ярославской области. В деревне окончил 7 классов, после учился в школе механизации сельского работал на целине, служил в армии, приехал в Череповец, работал бульдозеристом, учился в школе рабочей молодёжи, потом перешёл работать на Азотно-туковый завод. С городской газетой «Коммунист» стал сотрудничать, писал репортажи, статьи, очерки. В журнале «Север» вышел очерк и публицистика. Вскоре у меня пошли стихи, рассказы, романы. В настоящее время в городе Череповце опубликовал книгу стихов, рассказов и роман. Сейчас в издательстве «Издательские решения» «Ридеро» вышли две книги: «Выстрел из вечности» и «Русское авось», а также в Москве в сборниках «Писатель года» «Наследие» за 2013-2014- 2015 годы выходили рассказы и стихи. В сборниках «Стихи» за 2014 и 2016 подборки стихов. **хозяйства,**

Избранное

Овин у болота

Драма

1 действие

Сон Лидии Шауровой

– Ох, как болит мой живот!

И этот овин проклятый,

Стоящий у болота тыщи лет,

Кишащий нечистью и мышами.

Он изрыгает на меня такую гниль,

Как будто я сама давно уже сопрела,
А я здесь родила, Василий, первенца
Дай, дай же мне сюда младенца.
Его я покормлю, укрою своим телом,
Я родила его до срока, к чему бы это?
Дождь, дождь и в правду нескончаем.
О, Боже мой, земля промокла вся.
Василий, иди ко мне, погрой меня, сыночка.
Как назовём его? Я думаю, Серёжа.
Ведь он же наш кровиночка, Василий.
Какой же будет он, под стать ли нам?
Лидия слышит голос мужа:
– Не знаю, Лидия моя, не знаю.
Я слышу голос Катьки – вот она.
Как будто за стеной шипит и жалит,
И гибель предвещает сатана.
Уже ль я виноват, что повстречалась ты мне.
И сердце забрала, я будто бы во сне.
Ты сына родила. Я плачу и страдаю.
Люблю тебя, люблю его. О жалость!
Но этот голос не даёт покоя.
Рядом сидящий сын бормочет пьяным голосом:
– Что, старая, шипишь? Ведь ты в квартире.
А этот дождь, что льётся на тебя,
Холодная водица из под крана.
Отец мой – твой муженек Василий,

Давно уж дуба дал, и только ты
Маячишь здесь, и доченька твоя Татьяна
В компании кобелей сюда заходит.
Такая ж пьянь, как ты с отцом,
Нас сотворившие по пьянке.
Что хочешь ты увидеть в нас?
Я думаю, уйдём мы дальше вас.
Так предназначено нам роком.
Мать поднимается и, хватаясь за сердце, плачет.
– За что мне эта жуть, сынок, за что?
Она меня, как в полымя, бросает.
И рвётся сердце на куски.
Ведь я тебя взрастила, воспитала.
Смотри, какой красивый ты и сильный.
Не каждому дана такая благодать.
Работа у тебя хорошая была.
Но всё пошло под хвост чертям.
Сын пинает кровать матери и рычит:
– Родная мать, свихнулась ты вообще!
Забыла что ли, что нашла меня в овине,
Когда сверкала молния, и гром гремел,
И дождь хлестал, и меркло всё в округе.
Внизу болото было, и лесная хмарь,
Мне видно в душу заползла гадюкой.
И жжёт меня и жалит и шипи,
Как будто проклят я сто тысяч раз

Людьми живущими доселе и отныне.

Ты поняла? Ты поняла кто я такой?

На мне злой рок деревни этой смрадной,

В которую вас занесла тогда судьба.

Где появился я на свет.

Жена Сергея вступается за свекровь:

– Оставь старуху мать, Серёжа,

Она не заслужила это.

Муж взрывается, бьёт жену в лицо и выбрасывает
женщин на балкон.

– И ты туда. Так получай, Светуня,

Кулак мой вправит вам мозги обоим.

Балкон же будет вам в награду.

В ночных сорочках при луне с морозцем.

А я здесь посижу, винца попью,

Да посмотрю на вас таких хороших.

На балконе мороз за тридцать, свекровь говорит снохе:

– Света, смотри, как звёзды на небе взъярились,

Какая стынь. Я больше не могу, я замерзаю.

Давай кричать, быть может, он очнётся.

Сергей Шауров, бьёт мать и жену

деревянным брусом и говорит:

– Совсем не поняли меня, как будто не хотели.

Вы думали, шутить я буду с вами.

Сей брус на пятьдесят, он деревянный,

Погладит вас по рёбрышкам немножко.

Да позабавит и меня.

Жена, подставляя руки под удар, чтобы не попал по голове, кричит:

– Серёжа мой, очнись. Ведь я люблю тебя.

И мать в тебе души не чает.

Зачем же бьёшь нас? Ты же убиваешь,

Тех, кто роднее всех на свете.

Шауров, бросив брус в квартиру, улыбается

Зелёными глазами.

– Завыли мерзкие создания.

Вы не поняли кто я?

Я царь, и вселенная эта.

Видите, как она скалится,

Мириадами ярких глазищ на меня.

И ни одной тучки, ни облачка.

Что это милые, что?

Это моё предназначение и моя судьба.

Жена заламывает на голове руки и кричит:

– Серёжа мой, очнись, ты болен.

Муж наклоняется к самому уху жены и шипит:

– Молчи, молчи, злодейка Светка, не ровен час – убью.

Свекровь шепчет снохе:

– Молчи, молчи, Светлана, давай уйдём,

Пускай он пьёт один.

Сергей, услышав голос матери, осатанел, схватил мать за руку и резко дёрнул на себя.

– Ты что, собака, там бормочешь?
Один я пить? Ну, никогда.
Садитесь, будем веселиться,
Я поздравляю мать тебя за то,
Что родила меня в овине,
На проклятой земле, гонимой Богом.
И вот теперь я здесь, и я твой рок.
Родная мать – какое наслаждение.
Мать хватается за сердце, рвёт на себе волосы.
– Как перенести мне эту муку, мой Серёжа,
Душа в тревоге за тебя за внука.
Он будет чище во сто крат тебя.
Какую ты даёшь ему науку!?
Сын хватается за волосы и трясёт её.
– Что, что лепечешь ты, старуха?
Я душу вытрясу твою гнилую.
Давай же остаканимся скорее.
Сей озверин, такой он сладкий!
Не то на сердце скрежеток когтей
Нечистой силы, что вошла в меня
Там на болоте ночью мглистой.
Мать, заливаясь слезами, воеет:
– Ох, ох, кровиночка моя – мой первенец.
Ты должен быть опорой для меня,
А ты что делаешь, Серёжа?
Сын отшвыривает мать к стенке, скрипит зубами:

– Достала ты меня, достала.
Я ненавижу твой дешевый бред.
Ты вспомни, как ты родила меня.
И как мою сестру Татьяну.
Ты знаешь, что такое генофонд.
От пьяницы не родится нормальный.
В утробе матки я уже сгорел.
Да ещё бесы внутрь меня вселились.
И вот я, принимай таким, какой я есть.
Мать опускается на колени и шамкает:
– Грешна я перед вами, дети.
Но как мне замолить мой тяжкий грех?
Слаба была я – мой Василий всё говорил:
«Ну выпей же, ну поддержи меня, родная,
Один я выпить не могу». И вот итог.
Шауров, поднимая стакан водки, ехидничает:
– Итог прекрасный, моя мать.
Вы всё с отцом сумели сделать славно.
Татьяна, дочь твоя, и я – мы вольные.
А это главное. Гуляй и пей – наш идеал.
Спляши, спляши, я посмотрю.
Ну, что ты тянешь, развалюха.
Забыла брус, он под столом.
Сын ткнулся носом в край стола.
Сноха шепчет свекрови:
– Кажись, он задремал, мать отдохни.

Ночь коротка, и сон его недолгий.
Пройдёт не больше полчаса, он встанет
И тогда, не даст нам спать до самого утра.
Серёжа мурлыкает про себя.
– Уснули. Ну, уж кукиш вам.
Сейчас узнаете, кто я.
Я тихо, тихо подкрадусь
И вдарю я ей между глаз.
Сноха очнулась, свекровь лежит под кроватью.

Светлана

– Очнулась мать, кровь из ушей.

Что это, милая, с тобою?

Мать

– Не знаю, Света, я спала.
Вдруг, будто обухом, меня
По голове огрели сверху.

Сноха

– Давай, я помогу, ложись, мать, на диван.

Мать

– Ой, Света, не могу, сварились мои мозги.
И ног я не могу поднять, они как ватные.
О, Боже мой, я инвалид, а голова моя,
Как будто в плечи вдавлена стотонным грузом.

Сноха

– Ужели это мой, ужели мой Серёжа!
Да вроде же он спит, не шевелясь.
Наверное, тебя ударил паралич.

Мать

– Не знаю, милая, не знаю.

Я скоро, видимо, умру.

Не долг мне остался жизни миг.

Сноха

– Ты что, мать, говоришь! Ведь ты так молода.
И сил в тебе так много.

Мать

– Какие силы, Светочка, Какие?
Отбито мясо от костей.
Я изнутри уже гнию.
Василий тешился, теперь сынок.

Сергей поднимается с постели, разминает руки и тело
и, озлобляясь, бьёт кулаком по столу.

– О, бабье царство – гниль воронья.
Где озверин – наш лучший друг.
Светлана, водки нам скорее.
Не то внутри взорвётся сердце – бомба.
И отойдёт моя душа.

Жена вздыхает.

– Да ночь же на дворе, Серёжа!
Какая водка – три часа.

Муж хватает жену за волосы, тычет лицом в стену.

– Ты поняла? Ты поняла?
Я слов на ветер не бросаю.
Ларёк под носом, чтобы ты

За пять минут туда сбежала.

А где мать, Светка?

Жена простонала.

– Она упала с табуретки.

Кровь из ушей, сознание потеряла.

Муж снова хватает жену за волосы, дергает и

Зажимает голову между колен.

– Кто ей ударил – ты сноха?

Не угодила чем свекровь тебе?

Всё вроде бы у нас лады.

Вот только на столе нет зелия услады.

Скорее, Светка, не гневи меня.

А я поговорю с мамашей.

Жена уходит. Сын подсаживается к матери, кладёт

тяжелую руку ей на плечи, заглядывает в глаза.

Мать говорит:

– Зачем ты мучаешь меня, Серёжа?

Убей! Честнее будет.

Ужели подлая душа исподтишка

В тебе теснится, чернее ночи.

На Светку валишь, но она здесь ни при чём.

Тебе нужна квартира, чтобы пропить её.

Сын, багровея и наливаясь кровью, вздыхает:

Да разве я, твой сын, тебя могу по голове?

Мать, заламывая руки, стонет:

– Да, да, конечно, ты не смог.
Наверное, сноха меня так гвозданула.
Но только чем, да и зачем?
Ведь я не враг ей, видит Бог.

Сын, успокаиваясь, кричит:

– Забудь про Бога, мать, забудь.
Он не причём – злодейка Светка
Тебя со света хочет сжить,
Чтобы хозяйкой полной быть.
Её, её проказы эти!
Квартира – вот всему вина.
Давно, давно я замечаю.
Что пред тобою лебезит она.
Видать, почувяла чего-то.

Мать печально вздыхает.

– Как не почувять, я же труп, Серёжа.
В чём только держится душа моя,
Коль мясо от костей отбито.
А я хожу, огонь и боль сжигает тело.

Как дальше жить? Добей, добей меня, сынок.
Не надо врать, не маленькая я.
Я знаю, кто ты, кто она.

Сын, возмущённо изрыгает горлом:

– Ах так, ах так! Я понимаю.
Ты хочешь, чтобы я в тюрьгу сел.
Из-за тебя и из-за Светки.
Не выйдет, милые, не выйдет.
Вы сами, стервы, виноваты,
Что я вас бью, зачем мне капать на мозги?
Не бью я вас, поймите это, я вас воспитываю.

Мать изумлённо вздыхает.

– Какой ты воспитатель, мой Серёжа.
Родную мать так гвоздануть.

2 действие.

Сын призывает мать.

– Замри, замри – её я слышу голос,
Который призывает бить тебя.
Да вот же, вот же и она за шторой спряталась.

– Ты что, родная мать, вообще рехнулась.

Мать

– Да где? Да где она? Свихнулся ты, однако.

СЫН

– Не знаю. Может быть. Да вот же, вот же и она,
Ужель не видишь?

Мать

– Красивая?

Сын

– Да, да и молодая.

Мать

– Не вижу ничего, всё это бред.

Сын

– Ах бред! Так что ж ты захрипела?

Ведь я не трогаю тебя.

Ни пальчиком, ни даже мыслью.

Ты поняла, ты поняла, кто я такой?

Мать

– Ты демон, демон. Я крещусь,
Хоть запрещаешь ты мне.
Скажи, скажи, как выглядит она?
Наверно, рыжая, зелёные глаза.

Сын

– Права ты мать, как в точку положила.
Она стройна и рыжая такая,
Что он её нельзя отвести глаза.
Магнит какой-то в ней, магнит,
А может быть, огонь, сжигающий меня.

Мать

– Сынок, да это ж Катька – блудница отца.
Быть может, ведьма. Она же понесла
От нашего отца ребёнка, потом пропала.
Говорил народ, что с бабкою колдуньей якшалась.
Та бабушка давно уж умерла.
И Катьке этой ремесло своё
Передала, как будто тёмной ночью.
Там на болоте, где овин.
И где я родила тебя – мучитель мой.
Наверное, она нас привела туда с отцом.
Когда мы заблудились, он твердил:
«Иди, иди – вон женщина идёт.
Кажись деревня рядом, скоро выйдем».

Сын

– Мама, мама, она улыбается.
Кличет меня и зовёт с собой.
Мамочка, мама, видишь, батько наш!
Да вон и дед мой и кто-то другой.
Все они рядышком, слитые вместе.
Что это мамочка, что?

Мать

– Не знаю я. Ох, сын, не знаю.
Здесь что-то тёмное, я не пойму.

СЫН

– Ой, мама, мамочка, здесь корень древа.
Смотри, смотри на сто веков назад.
Какие были мы, какие наши дети.
Всё, всё, как на экране чёрно-белом.
Она мне показала, кто я есть.

Мать

– Так кто же ты, Серёжа?

Сын

– Я негодяй. В крови моя душа и руки.

Мать

– Ах, Катька, Катька – злобная душа.
Зачем ты это показала?
Зачем ушла от Бога Ты?

Из-за шторы выходит ведьма.

– Да, чтобы мстить вам,
Я ж его любила, а он ушёл к тебе.
А как же сын мой —кровь его и плоть?
Родился хилым и нервозным.
Всё от того, что я переживала.
И вскоре умер он, тогда пошла я к бабке.
Она сказала мне, что делать.
И тут же умерла, счастливая
А я хожу, душа моя в уладе.
Послала Василька в Чернобыль.
Он радиацию схватил, потом злодейство совершил.
Не отмолённое веками, и вот он здесь.

СЫН

– Ой, мама, мама, смотри мой предок.
Князь Шауров, людей казнит в овине этом.
Вон извивается на дыбе человек, а вон ещё.
Он ожигает сталью раскалённой
Своих врагов и песенки поёт.
С ним двое мужиков – глаза кровавые,
Берут покойников, в болоте топят.
А рядом, рядом крик и стон людей,
Которых выгнали смотреть на казнь и муки.

Мать

– Да сколь ж это было лет назад?

Сын

– Не знаю мать – мне кажется, столетия
Прошли с тех пор, но видишь, до сих пор
Там всё бурлит и стонет неуёмно.
Как страшно, мама, видеть свой порок.
Конечно, он не мой – моих он предков.
Но нити тянуться ко мне и дальше.

Ведьма

– Ну что, Серёжа, ты доволен
Видением этим, я могу продлить
Чарующие эти провидения.
Как жили предки в ужасе и зле.
И как они копили злобу магнетизма,
Которая к невинным душам липнет.
Богата энергетика твоя.
Смотри, смотри, как зависает
Она в квартире этой, милый мой.

Мать

– Ты не ушла ещё, о горе!
Квартира проклята моя.
Когда и крест не помогает.
Молитв не знаю я – беда.
Сынок, крестись, зови на помощь Бога.

СЫН

– О, мать! Не знаю я ведь Бога.
Ни разу я его не звал на помощь.
Знал озверин, и с ним я сжился.
Наверное, умру в его объятиях.
Мой батько был не промах пить,
И ты ему не уступала.

Ведьма

– Семейка – чудо, вся спилась.
Я рада, как я рада.
Отмщение моё свершилось.
И остов древа не угас.
Пойдёшь, пойдёшь ты дальше всех.
О милый мой, о друг Серёжа.
Я молода, хоть годы пронеслись.
Любой мужчина смотрит на меня.
И жаждет ласки – вот кто я.
Серёжа, скинь её с балкона.
Потом любить тебя я буду, ненаглядный.
У сына на глазах и у жены.

Мать

– Ох, нечисть ты! Сгинь, сгинь скорее!

3 действие

Ведьма исчезает. Открывается дверь, заходит жена.

Жена

– Пришла, пришла я, мой Серёжа.
За мною гнался кто-то до дверей.
Едва я ноги унесла, кричала, но никто не вышел.
Ужель не слышал, ты, мой муж?
Меня трясёт, я не могу.

Муж

– Ты потаскуха – вот ты кто, Светлана.
А я, дурак, ещё женился не тебе.
Ведь ночь. И ты сумела всё же
Найти молодого кобеля.
Уж стерва ты, уж стерва – это точно.
Да ладно, бить тебя не буду. Потом.
Давайте выпьем озверина.

Жена

– Ты что! Ты что, Серёжа, говоришь такое!?
Я вся дрожу от страха, Боже мой!
Наверное, маньяк за мною гнался.
Ужель не жаль тебе меня?

Муж

– Конечно, жаль тебя, моя Светлана.
Но это похоть бьёт в тебе ключом.

Мать

– Очнись, очнись, очнись, Серёжа!

Чего напраслину плетёшь.

Жена верна, верна тебе.

Муж

– Ах, сговорились – сучье племя.
Не знаю Светку что ли я?
Она без кобелей не может.
Такая уж её душа, под стать и тело.
Но я-то, я-то – не дурак, всё вижу.

Жена

– Серёжа, что ты говоришь, Серёжа!
Ведь я люблю тебя, люблю.
Как доказать свою мне верность?

Муж

– Зачем доказывать – факт на лицо.
Глухая ночь, кругом покой и тишь,
Но у тебя и в этот поздний час
Кобель нашёлся, а что же днём?

Мать

– Мой муж – покойничек Василий
Таким же был. Кто глянет на меня, а он уж на дыбы.

СЫН

– Ты что, красивая была?

Мать

– Не знаю. Бог ведь не обидел,
Коль Катьку рыжую оставил он.
Слышится голос ведьмы:

– Не гни старуха нос, ты устарела.
Кто на тебя теперь глядит?

Я вас к концу вела и вот итог.
В вине вы захлебнулись, жизни нету.
И злобой дышит всё вокруг.

Смотри соперница моя.
Как я любить сыночка буду.
Ведь он кровиночка твоя.

Она раздевается у всех на глазах, сверкнуло молодое, хо-
лѐное тело, топнула красивой точёной ножкой и взвизгнула:

– Ну что стоишь, Серёжа мой?

Иди скорей ко мне в объятия.

Да скинь с себя ты балахон,

Не нужен он, пусть видят все.

Как хорошо нам, столько страсти.

Сергей бросился в объятия ведьмы, и они покатались
по полу квартиры. Мать и жена слышали стоны и всхлипы,

и зелёное свечение доходило и до них. У матери остановилось сердце, и она упала рядом. Жена истерически забилась и потеряла рассудок. Ведьма очнулась первая и сказала:

– Ну вот и всё, мой дорогой Серёжа.

Моя соперница мертва.

Жена твоя рассудок потеряла.

Всё, всё, как я задумала, свершилось.

О, как я рада! Каков конец, Василий.

Меня ты бросил, я так страдала,

Что душу продала нечистой силе.

И я не каюсь – ведьма я.

Серёжа, медленно приходя в себя, воскликнул:

– Да ты старуха, Катька!

Зачем же взбаламутила меня?

Ведь я люблю тебя со всею страстью.

Ведьма, не скрывая своего счастья, воспалила тирадой:

– В тебе я видела отца, Серёжа,

Который душу отнял у меня.

Василий, он единственный мужчина,

Он до сих пор во мне и днём и ночью.

Что делать мне, его уж нет.

Зачем мне красота, ведь я старуха.

Я красоту растратила на месть.

Но дело сделано, я ухожу со сцены.

Сергей, прощай – твой жизни миг

Не долог, скоро оборвётся.

Коль дело заимел со мной.

Там на болоте встретимся все вместе.

Отец твой, я ты, мы прокляты людьми и Богом.

КОНЕЦ

•

Стихи

На жертвенном огне (Пародия).

Любовь моя – одна обуза,
И жжёт меня и жалит и гудит,
Неужто в этом моя муза,
Скажите, мне не повредит?
Она лукава и коварна,
Я к ней спешу и день и ночь.
Хочу словить я где-то парня.
А он кричит: пошла ты прочь.
Эх, боль моя – любовь могучая,
Я вся горю в её огне,
Она такая – дрянь едучая,
Кипит и жалится во мне.

Шумит холодная река,
На постаменте монолитном,
Из бронзы вылит на века,
Стоит Пётр с родиною слитно.
Корнями в землю эту врос,
Над ним года уже не властны.
Всё тот же на лице вопрос,
Всё тот же взгляд самодержавный.

А годы, как их удержать?
Так и застыл на всём галопе,
Чтобы поднять из тьмы холопов
Для нас поймите ж – головная боль.
Сейчас мы все находимся в полёте,

Признание в любви

О сколько лжи летит с телеэкрана!
О, Боже, как искусственны вожди.
И льют елей из грязного стакана.
Кричат народу: милый, подожди.
Ещё мы не привыкли к этой пытке,
Ещё силён в сердцах у нас порыв,
Мы не хотим уже терпеть убытки.
Ведь это ж, братцы, в никуда обрыв.
Ну, что вам, старцы, дали эти льготы?
Для нас же это головная боль.
Мы все сейчас находимся в полёте,
А вы нам сыплите на рану соль.
Везде и всюду мы за вас в ответе,
Рвём сердце лихо, не щадя себя.
Поймите вы – на белом свете,
Жить можно только вас любя.

И дума думает о вас
Ну, горячо, ну про запас,
Её молитвы и успехи,
Закроют общие прорехи,
И будет радостный анфас.

Серебрится тяжёлый след,
И душа моя в вихре плавится,
От российских коварных бед.
Кто сильнее и наглей, тот славится,
Грудь вперёд, наизнанку кулак,
Он идёт по земле и хвалится,
Что он свой и совсем не дурак.
А за ним вереница несчастий,
Плач детей, скрип зубов стариков.
Вот он родина милая – падший
В мир страстей и презрения оков.
Голосуйте, какой я хороший,
Люди добрые, видите все.
Заметает следочки пороша,
И душа моя в жарком огне.

Тихим омутом век куражится,

Топор

Топор с истёртой рукоятью,
Минувших лет простой певец,
Лежит, забытый под кроватью,
С тех пор как в ночь ушёл отец.
Он заржавел. Его с любовью
Давно не трогала рука.
Не спорит звонко с яркой новью —
Он отслужил свои века.
А помню дед – грудь нараспашку —
Дома в деревне возводил.
Топор звенел, и щепки в пляске
Летели с пахнущих стропил.
Когда топор я поднимаю,
Касаюсь лезвия рукой,
Как будто книгу раскрываю
О родословной трудовой.

1993 год

До чего Россия ты дошла,
Что носки из-за границы возят.
Продают по паре нам – ОЛЛА!!!
И тебя любимая позорят.
Стыдно мне, держу я их в руках,
Вспоминая партии призывы.

Всё пропало на моих глазах.
Всё ушло: любовь, надрыв, порывы.
В магазине пусто, злой народ,
И гремят с трибун слова и речи,
И идём, как кажется мне вброд,
В темноте, не зажигая свечи.
Где они? Не знаю я и сам.
Только больно, больно мне отныне,
До чего дошли мы – просто срам,
Перепулав и песок и глину.
Строили мы зданье из песка,
Но забыли добавлять цемента.
Рухнуло оно, в груди тоска.
Ну, куда теперь друзья момента?
Снова кровь и русская беда.
Сколько ж будем лить её, о люди!?.
Ведь она живая – не вода.
И её не принесёшь на блюде.
Русь моя – родная сторона.
Крик души в глазах народа вижу.
Чтоб не пролилась сейчас она,
Закричи, заплачь, что не обижу.

Детская картинка моей памяти 9 мая 1945года,
во мне до сих пор живёт и здравствует. Я вижу
её чётко как будто и не было пролетевших
десятилетий, когда народ, вышедший на улицу,
прыгал и кричал, пел и веселился. Люди целовались,
обнимались и плакали. Было что-то такое, о

чём вот так просто и не скажешь. А гармонь
ревела, надрывая басы. Гармонист давил на
клавиши в каком-то диком настрое, и кричал:
– Бабы, победа!

День победы

В разгаре, нежно излучая,
Тепло и радость и любовь,
Пришла весна, а мы, стеная,
С сестрой несём вязанки дров.
И серебрится луч зеркальный
Росой янтарною омыт.
А дома за стеной тесовой,
Пластом на койке мать лежит.
В деревне яро раздаётся
Гармоники гортанный звук.
Победа! В сердце песня льётся,
Прошла печаль седых разлук.
Прошла печаль и спозаранку
Народ толпится у реки,
Ретиво пляшут под тальянку,
И молодёжь и старики.
Лишь в нашем доме не до песен,
В последний день войны пришла,
Эх, похоронка! Мир стал тесен.
И боль стреножила сердца.
Отца не стало, ветер шальный
В ветвях берёзы шелестел,
Да от войны народ усталый,

От счастья дико захмелел.

Глухарь

Ещё поляна в сновидении,
Ещё и солнце не взошло,
А уж в любовном упоении,
Глухарь взыграл, нашло, нашло.
Хвост чёрным веером трепещет,
Грудь гордо выставив вперёд.
Идёт глухарь, любовью плещет,
Настал его весны черёд.

Урок

Я вывел трактор рано поутру,
Я дёргал рычаги машины грузной,
Скорей, скорей – ползти не по нутру.
Казалось мне, работать так и нужно.
Земля парила, тяжело дыша.
Плуг лихорадило, а я не видел это.
А бригадир подходит не спеша.
И говорит: – О, как земля прогрета!
Сел на сидение рядышком со мной,
Повёл машину, как нельзя спокойно.
Валы земли за нашею спиной
Легли, как это, мастера достойно.
– Ты не спеши, но сделай, чтоб взглянуть
Не стыдно было на свою работу.
Коль проявил душевную заботу,
Земля тебя не может обмануть.

Я приду домой усталый,
Засвечу в избе огонь.
В окна бьётся ветер шальный,
Издавая тихий стон.
Что мне ветер, если рядом
Пламя мечется в печи.
И уха дымится паром,

Хоть пляши, а хоть кричи.
Кот мурлычет на диване.
Тишина, покой в избе.
Заживает в сердце рана.
Забываю о тебе.

Тот день

Я не забуду светлый день.
Когда кругом благоухало.
Черёмух буйно росших тень
Меня от солнца закрывала.
И было радостно, тепло.
И было чудно в этом мире.
В мой детский мозг добро вошло,
Задев таинственную лиру.
И мама радостна была.
Сестрёнка куклами играла.
Всё хорошо, и жизнь цвела.
Всё хорошо, – кругом шептало.
Не думал я, что в этот день.
Такой прекрасный кто-то гибнет.
Не знал я, что отец погибнет.
Смертельно раненый в тот день.

Я улёгся спать на сеновале.
В тихом доме, где я жил и рос.
Наклонясь, черёмуха в печали
Ласково коснулась тут волос.
А усталость так и не слетела,
Только в полусонной дремоте
Слышал, как она мне грустно пела

О своей цветущей красоте.
Было тихо, ночь благоухала.
С неба лился ярко-лунный свет.
И корова на дворе жевала
Травяной душистый винегрет.
Мне казалось, из далёкого далёка
Детство вновь вернулось вдруг ко мне
Задубелой радостью до срока,
Что влачится где-то в стороне.
Я увидел то, что было мило
За рекою пролетевших лет.
И тревожно резвое заныло
Сердце, излучая дивный свет.
На какой-то незаметной грани
Что-то лопнуло в груди, болит.
Ох, зачем незаживающую рану
В город еду я лечить?

Осень

Полусонный и заброшенный,
Лес, насупившись, стоит.
Я иду тропой нехоженой,
Как мне сердце повелит.
На плече двустволка тульская,
Нож на поясе висит.
Грусть кругом – такая русская,
Красной медью шелестит.
Покрывается хрустальным
Льдом ручей, в лучах искрясь.
И напев зимы кандальный
Льётся в душу, не спросясь.

Судьба

Снег падает густо, но тихо.
Порхает ребяческий дух.
У школы сидит сторожика,
Как прежде, ударившись в слух.
Следочка не видно. Дорожки
Кой- где от её сапогов.
Где бегали школьников ножки,
Сегодня поленница дров.
И света в окошках не видно.
Зачем ей одной и к чему?
И горько старушке, обидно.
А вымолвить это – кому?
Снег падает густо, но тихо
Порхает ребяческий дух.
У школы сидит сторожика,
Как прежде, ударившись вслух.

Опять струится кровь,
И гнев народа брызжет.
Ликуют недруги твои, о, Русь!
Мне больно за тебя, я плачу и молюсь.
О, Боже, дай России силы.
Воспламени её духовный лик.
Не то она опять за вилы

Убьёт себя под дикий крик.

Мать

Провожает меня мама в поле,
Когда в город уезжаю я.
Содрогаясь, смотрит, и от боли
На щеке горячая слеза.
Горбится, стараясь распрямиться.
Тёмными руками, как земля,
Обнимает и немного злится,
Что опять осталась вновь одна.
Шепчет: «Пережить бы только стужу,
А уж летом соберутся в отчий дом.
Говорливостью, весельем окружат
Дети, внуки – вот и счастье в том».

Девчонка

Стоит девчонка с папиросой,
Глаз вызывающе косит.
Она пришла сюда без спроса
Родных, кто ей сейчас запретит.
Ресницы, веки подведёны.
В глазах беснующий огонь.
Её пути не проторёны.
Попробуй, ну задень, ну тронь.
От сна разбуженная страстность
Не ждёт, когда к ней принц придёт.
«Подумашь эка, эка важность,
Коль не идёт, сама найдёт».
К чему божественность и нежность
Ланит природы, естество
Девчонки дерзкая небрежность
Забилась в слово мастерство.
Забыты нравы и отличия,
И божество, и кротость лиц.
А снятся мальчикам приличье,
И неприступный взгляд цариц.

Русь

Опять промокли небеса.
Душа тревожно колобродит.
Я слышу желчи словеса
Над полем ветер злобно носит.
О, горько, горько, мысли вспять.
Враждебный вихрь из-за кордона
Летит, чтоб родину отнять,
Взрывая пелену заслона.
Утробный гул его тяжёл,
И зависть дикая трепещет
Сминает всё, что я нашёл,
Здесь боль моя по сердцу хлещет.
Бегу я в лес, где в тишине —
Так умирительно и чисто.
Такая ты милее мне.
Русь милая, с тобой не мглисто.
В траву я лягу под сосной.
Пусть льётся дождь, пусть воет выюга.
Я здесь тебе, земля, родной.
Ты мне любимая подруга.
Я кровь и плоть весь от тебя.
Ты в жизни мне – моя опора.
В чужой стране тебя любя,
Я не найду себе простора.

Так разве я тебя отдам,
Моя любимая Россия,
На поругание врагам,
Вот это русская мессия!

Ссора
На небе тучи, хмарь седая.
Душа скрипит, чего-то ждёт.
И ты от злости, приседая,
Кричишь, сжимая синий рот.
Во мне протест, несправедливость
Я чувствую в твоих словах.
Куда летишь моя ранимость?
Зачем равняешься в долгах?
К чему всё это – столько боли,
Аж, передёрнулись уста.
Ведь сколько съели вместе соли,
Неужто, всё это спроста?
А как же дети, наши дети?
Забыли мы про них в тот миг.
И только огненные плети
По сердцу хлещут, вырвав крик.

Я в детстве, падая с коня,
Твердил упрямо, озлоблённо:
– Врешь! Не сшибёшь теперь меня.
Я зол, сдержусь определённо.
Но конь взмывал, и падал я
В пыль, ткнувшись носом и ругаясь...

Я шёл домой, мечту храня,
В траве ногами заплетаясь.
И снова вечер приходил,
Я вновь бежал опять в ночное,
И, падая от боли, выл.
А вечер снова приходил,
И я опять бежал в ночное.
И всё же, всё же победил.

Я лес с утра рубил, возил,
На место строящей конюшни.
Себя и лошадь истомил,
Под вечер ноги непослушны.
Я еле двигал, и в мозгу
Стоял туман, и я, алкая:
«Спать, спать, я больше не могу», —
Твердил, за лошадьёю шагая.
Не раздеваясь, быстро лёг
На сеновале. Вдруг гармошка
Рванула в клубе, точно в срок.
И песня вылилась в окошки,
И заструилась, потекла
Над приумолкшею деревней:
То это молодёжь пошла
По улице родной и древней.
Да как же было мне уснуть?
Когда она звала, просила
Взглянуть, её не обмануть
Девчонку ту, что так красива.

Вопль пастуха
Солнцем травушка вся повыжжена,
Копытами стад поистоптана,
А вблизи шумит поле хлебное,
Скот куда загнать, не могу понять.
Нет водицы здесь, жажда груди жжёт,
Овод спесь свою хочет выплеснуть,
Чёрной тучею, жгучей молнией
Кружит бешено над коровами.
А вблизи каймой – лес -дремучий бор,
Там прохлада есть и травы простор.
Коровёнки все поизмучились
И, подняв хвосты, к полю ринулись.
Я кнутом махал и во след кричал.
Только толку что? Поле сгублено.
Как я стану сейчас пред директором?
Что он скажет мне, что он выплеснёт?

Духовный хлеб
Печальный день. Метелит дождь.
Промокло всё: земля и небо.
Вдали мне не хватает хлеба,
Того, какой ты мне даёшь.
Душевный, чистый, озорной,
Приправленный перчинкой жизни.
Он для меня – бальзам живой,
Ведущий в бой за честь Отчизны.
А это выше всяких слов.

Так будь же друг здоров и честен,
Духовный хлеб – твердынь отцов,
Здесь ложь и кривда не уместны.

В халате белом женщина простая,
Она пришла ко мне в тот час,
Когда от боли в сердце, замирая,
Я ждал её, волнуясь и сердясь.
И вот пришла она, сказала тихо:
– Вы не волнуйтесь так, не надо слёз,
Из под ножа стального убежало лихо.
Теперь выздоровление придёт.
Я ей в глаза взглянул и вдруг увидел,
Как по лицу стекает крупный пот,
А на висках белеет светлый иней,
Её переживаний ранний плод.
Да разве мог тогда я не поверить,
Когда она вошла чуть-чуть дыша,
С улыбкой человека, где ж нам мерить!
С простым понятием медика душа.

Моя радость, любовь и мечта,
Будь же ты благосклонной ко мне,
Не гони же меня так спроста,
Окупись в моём сердце, огне.
Может холод растает в груди.
Может ласково вспыхнут глаза.
Ты лишь только ко мне подойди,
Грудью к сердцу прижмись и тогда,

Бурно сердце твоё – соловей
Всколыхнётся, вспорхнёт, полетит,
Умножая любовный елей,
– Я люблю, я люблю, – затвердит.

Исток

Это стихотворение посвящается моему отцу
Ивану Павловичу, погибшему на фронте.

Деревня милая прижалась исстари.
Здесь я бывалоча любил неистово,
Хранил родную суть, попробуй выпори,
Когда в крови моей извивы вышнего.
Да не того, что в церкви, каючись,
Меня просили от грехов избавиться.
Я русский есть, и в этом мире знаючись,
Пошёл на бой с врагом не ради славиться,
Ведь Русь в беде и страны рядышком,
Чума фашистская над миром гаится.
Пусть я умру от пуль и лягу в полюшке,
Зато страна моя живёт, не мается.
И моя Марьюшка, и мои детушки,
Всё то, что есть во мне от этой землюшки.

Это стихотворение посвящено моему товарищу Саше,
с которым вместе работали на производстве, и помогали
совхозу.

Он был весел, счастлив и радостен. С ним было всем
очень хорошо.

Тишина в заречном парке,
Кое – где прохожие идут,
Вон «дружки», ведь им от водки жарко,
Руки чешутся, как удержаться тут.

Подошли, спросили:

– Эй, ты, кореш!?

Кто она тебе – твоя жена?

– Да жена, а что ты хочешь?

– Не твоя она, ему должна.

– Врёшь, – сказала девушка пугливо, —

Я тебя не знаю, кто ты есть

Он её взял за руку игриво,

Постарался в сторону отвести.

– Милая, беги, беги скорее, —

Крикнул друг её, и тут

Помутилось небо голубое

В облаке кровавых чёрных пут.

Падал снег на голые деревья,

И тропинка белой была.

Крик в ночи: «Им нет доверья».

И луна за тучи вдруг ушла.

Миг. И снова крик. И он упал.

И девушка назад, забыв о страхе,

К нему рванулась, он ещё дышал.

Кровь утекала по его рубашке.

– Прости, прости меня, родная,

Я умираю, нет уж больше сил.

Живи, живи, беды не зная,

Запомни, что тебя я так любил, —
Сказал он и затих, она рыдая
К нему склонилась, ветер вдруг завыл.
Его «дружки» от страха замирая,
Рванулись прочь, их страх смутил.

Ты со мной не говорил в открытую,
Хоть и назывался другом мне,
Видно, помнишь встречу ту обидную
И мою оплошность при луне.
Кровь во мне тогда взыграв кипучая,
Я ответных чувств не удержав,
Ей сказал – «Люблю тебя, ты лучшая!»,
Ты дружище мне не помешал.
И ушёл с душою леденящей,
Затаив глубоко боль свою,
Только ветер, над землёю шелестящий,
До меня донёс тоску твою.
И сейчас проходишь на приветствие,
Лишь в ответ киваешь головой,
Ночи той коварной это следствие
И любви не разделённой той.

Галдят встревоженные чайки,
Рвут рыбу прямо из сетей,
А мы идём по скользкой гальке
Под шум прибрежных камышей.
Верёвкой режет больно плечи,
И солнце жжёт и ветер бьёт,

И от разгульной речки речи
В груди тревожно сердце мрёт.
И вот, устало развалившись,
Лежим мы в шёлковой траве,
Кто ест, кто спит, крючком согнувшись,
А кто мечтает в тишине.
Ухой горячей подкрепившись,
Встаём, и снова буруны
Воды встревоженной винтами,
Сверкая, брызжут позади.

Шумит и стонет ветер за окном,
Позёмка бьёт в распахнутые двери,
И воют, надрываясь злобно звери,
Невдалеке деревни за холмом.
Мать топит печь, и семеро ребят
С кровати, с печки свесили головки,
Глотая слюнки смотрят на окошки,
Они страдают, но молчат.
А по деревне ходит почтальон.
То там, то тут прорезав тишь земную
Раздастся крик, и кто-то упадёт
Без чувств, прокляв судьбу лихую.
И мать стояла у окна.
Вдруг непонятно зашаталась,
В глазах от боли пелена.
В тот день отца у нас не стало.

На исходе воскресного дня,

Под весёлые звуки гитары
Мне хотелось вскочить на коня
И умчаться скорее с бульвара.
И умчаться в леса в глухомань,
Где в тиши я найду утешенье,
Ты попробуй, попробуй достань,
Прояви хоть чуть-чуть свое рвение.
Ты сегодня со мной холодна,
Не пробить твою стенку молчания.
Ни к чему нам сегодня свидание.
Боже мой, на исходе весна.
Звёзды на небе ярко зажглись,
Утихает веселье хмельное.
Я зову, я кричу, возвратись
Моё юное счастье шальное.

В семнадцать лет я прибыл на Урал,
В кармане удостоверение тракториста,
И принял нас молчанием вокзал,
От инея зеркально – серебристый.
Потом машина, тяжело урча,
Неслась куда-то в степи Оренбуржья,
Но юность не давала стрекача,
И от бессонницы синели полукружья.
Но кто дал юности характер огневой?
Тот знал, что можно было положиться
На нас. Сказали мы, тогда: «Не вой!».
Такой расклад нам мог тогда присниться.
Но вот апрель запел и закричал.

Я вывел трактор, чтобы порезвиться.
И понял я тогда, что это мой причал,
Пора бы мне по жизни протрезвиться..

Клочок бумаги серой

Она с раскрытыми глазами
Лежит четвёртый день подряд.
Семь малышей осиротевших
На мать болезненно глядят.
Всего клочок бумаги серой,
Но сколько горя, злобный рок
Принёс, и сердце омертвело
От трёх сочащих кровью строк:
«Ваш муж погиб в бою героем,
И похоронен там-то там...»
И огласилась нашим воем
Изба от боли: «Тра-ра-рам».
И понял я в четыре года,
Что за бумажку принесли.
Ох, горе нам, пришла невзгода,
И боль нам видно не страсти.

Увядает лист резной у тополя,
Что стоит, нагнувшись под окном,
Бабка шепчет ртом беззубым: «Скоро ли
Бог возьмёт меня в свой отчий дом?».
Девяносто с лишним бабке стукнуло,
На покой пора уж, заждалась.
Три войны и счастье бабки рухнуло,

Муж погиб, сынов не дождалась.
Горе, что огнём сжигает сердце
Не затмило пламенной души,
Но порой горчинка злого перца
Рвётся из надломленной души.

Я лежал на печи
На холщовой дерюжке.
Вдруг тревожно в ночи
Грянул выстрел и пушки.
Застонала земля,
Задрожала деревня.
«У, проклятая тля» -
Мать сказала так гневно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.